

УДК 130

Проценко О. П.

МОРАЛЬНЫЕ МАКСИМЫ В ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ (ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

В статье предпринята попытка интерпретировать моральные максимы поэзии Марины Цветаевой. Главным жизненным постулатом поэтессы автор называет альтруизм.

Ключевые слова: максима, мораль, поэзия, альтруизм.

У статті зроблено спробу інтерпретувати моральні максими поезії Марини Цветаєвої. Головним життєвим постулатом поетеси автор називає альтруїзм.

Ключові слова: максима, мораль, поезія, альтруїзм.

In article is undertaken attempt to interpret moral maxims of Marina Cvetaeva poetries. The main by life postulate of the poetess author names the altruism.

The keywords: maxims, moral, poetry, altruism.

На первый взгляд может показаться, что мораль и поэзия далеко отстоят друг от друга. Однако анализ места как поэзии, так морали в духовной сфере социума и душевном мире человека обнаруживает их взаимовлияние. Поэзия способна только ей присущими средствами выразить моральное, манифестировать моральное как высшую ценность, декларировать моральное в качестве непреложного принципа жизни. Эта проблема остается актуальной и в условиях современного общества с его перераспределением акцентов в ценностных предпочтениях людей, в связи с чем и явилась целью данной статьи.

«Поэзия, как писал Гегель, была всеобщей и распространеннейшей наставницей человеческого рода, да и остается ею поныне» [3, с. 355]. Именно она, «высказывая дух», способна передавать субъективный внутренний мир человека. Гегель утверждает, что в поэзии звук становится словом, а слово из самоцели превращается в духовное выражение [3, с. 346].

Мораль находит в поэзии словесную форму своему содержанию, моральные требования обретают в поэзии лингвистическое выражение. В чувственном мире поэта ее ценностно-нормативный потенциал приобретает конкретные мотивы действий, складывающиеся в поведенческие ориентиры. Заключение в лаконичные фразы, обогащенные интонационным строем речи, феномен морального обретает объективную событийность. Все многообразие бытия морали в поэтическом произведении становятся легко уловимыми для понимания и сопереживания.

Уделом морали в большей степени по сравнению с другими видами поэтического творчества становится лирическая поэзия. Лирика здесь не только род поэзии, но и само поэтизирование, связанное с чувством воодушевления. Лирическое отстоит от логической обоснованности и отдает предпочтение стихии эмоций. Используя непривычные для обыденного речения словесные выражения, лирика отказывается тривиальному. Переведенное на язык стиха, старое обновляется,

распространенное становится исключительным, привычное – значительным. По мнению Й. Хейзинга, язык лирики является языком «мистического философствования, оракульского вещания, колдовства. В этих формах поэт испытывает сильнейшее чувство вдохновения, приходящее к нему извне. Здесь он ближе всего к высшей мудрости, но и к бессмыслице» [7, с. 163]. Субъективный мир поэта, отражаясь в его поэтических произведениях, обретает публичность, а значит, и возможность иметь сторонников или противников в своих духовных исканиях. Так, поэзия включает в себе, по словам Ж. Маритена, уже «не благо человеческой воли, но благо самой продуцируемой вещи» [5, с. 172]. Домен искусства и домен морали, согласно его мнению, сложны и неоднозначны в своем взаимодействии. Миры их автономны и соподчинены одновременно. Воссоединяясь, искусство и мораль наделяют произведение и художественным достоинством, и моральной ценностью. Моральная ценность произведения – результат свободного выбора поэта, результат его реализованной искренности и откровенности. Максима его воли, заключенная в стихе как стремление к моральному факту восходит порой к универсуму морали. «В искусстве, как и в морали, должное не зависит от нашего произвола», – пишет Х. Ортега-и-Гассет. И далее: «Остается подчиниться тому императиву, который диктует нам эпоха» [6, с. 236]. Но это вовсе не означает, что искусство в воплощении своих художественных произведений всегда находит широкий круг почитателей и получает заслуженную объективную оценку современников или представителей последующих поколений. По замечанию Х. Ортега-и-Гассета, как раз новое искусство не обладает общечеловеческими средствами выразительности, а потом оно «предназначено не для всех людей вообще, а только для немногочисленной категории людей, которые, может быть, и незначительнее других, но явно непохожи на других» [6, с. 233].

Главная ценность поэтического произведения – представление поэта о моральном благе, динамизм жизненной силы и поэтический опыт, который Ж. Маритен трактует как «собранность души в ее средоточии, где мир и субъективность познаются в единстве неким потаенным, непонятым путем» [5, с. 194.] Поэтический опыт обеспечивает возможность поиска художественной формы любой мыслительной конструкции, которая отягчена этическим дискурсом. Слова фиксируют факт морали, фразы – ее принципы, требования, оценки, произведение в целом может заключать в себе смысложизненные искания и глубинные моральные переживания. Для поэта важна та реальность, которая пробуждает в нем переживание, все то, что переходит в плоскость его душевных сил.

Лирика М. Цветаевой одухотворена, пронизана устремленностью к возвышенному. Моральная компонента, именуемая максимой, имманентно присуща ее поэтическому творчеству. Понятие «максима» занимает особое место в практической нравственности. Со стороны этического дискурса максима есть некое правило (установка, принцип, сентенция), которое связано с личностным восприятием мира, с субъективным изъяснением воли.

Максима становится главным в устремленности к действию, поступку, образу и стилю жизни. Кроме того, духовный феномен, заключенный в максиме, декларируется однозначно, бескомпромиссно, в высшей степени категорично – так и

не иначе. Декларации моральной максимы способствует стилистика текстов стихов Цветаевой с их лаконичностью, телеграфной четкостью и конкретностью, как бы не позволяющей усомниться в ее позиции, задуматься, помедлить. В максиме, согласно учению И. Канта, присутствует эмоциональное переживание скорее, чем рациональное обоснование. Она ближе к неповторимым реалиям жизни человека, чем абстрактное предписание в виде закона, и является уникальной индивидуальной формой постижения общественного должествования [4, т. 6, с. 236–237].

Мысли, изложенные М. Цветаевой в стихах, диалогичны. Они направлены на собеседника, на Другого – «что до собственной мне жизни? // Не моя, раз не твоя». Более того, именно Другой определяет нацеленность действий, характер поступков, диктует правила жизни, наделяет их значимостью. Правила жизни, если они основываются на моральной устремленности, конкретно определены и даже ригористичны. Моральный максимализм Цветаевой исключает не просто разумность, здравый смысл, но даже какую-либо вариативность. Устраняется мера, промежуток, уступка: «Гляжу на след ножовой: // Успеет ли зажить // До первого, чужого, который скажет: „Пить”». Стихи пронизаны переживаниями по поводу моральной обязанности человека перед человеком – своим, родным, а скорее чужим.

Отстаивая принцип взаимопомощи, взаимовыручки, поэтесса доводит его до предельного основания, который применительно к эмпирическим ситуациям приобретает альтруистический смысл, граничащий с жертвенностью в ее высшей степени – самоотдачей. В этом нет ничего удивительного, поскольку, одухотворенность в собственном ее смысле связана с обращением человека к высшим ценностям, с непреодолимым и постоянным стремлением к усовершенствованию самого себя и мира. Одухотворенность противоречит умеренности, однообразию, эмпиричности. И одухотворенность как продукт духовности «инобытийна» обыденности, повседневности, противоречит им [1, с. 60]. В своей жизни поэтесса стремилась к возвышению над действительностью благодаря мечте, вымыслу, романтическому преувеличению, часто уходила в прошлое культуры, примеряла к настоящему библейские сюжеты, поступки героев мифов и сказаний. Категоричность моральных суждений в стихах М. Цветаевой поражает тем, что в них видится безусловное служение моральному благу, доводимому до самоуничтожения. Это прием, в котором заключен вызов умеренности, пусть «золотой», но все-таки середине. Совершить моральный, а в ее понимании человеческий, поступок, поскольку в ее жизни и творчестве моральное отождествляется с человеческим, – значит согласиться отдать всю себя или, по меньшей мере, самое ценное, чем владеешь, пусть даже и крайне необходимое: «Согреть чужому ужин – Жилье свое спалю». Мерилом способности к высокому поступку является отношение к Чужому как к самому себе. Чужой во всем другой, здесь нет привязанности и совместимости. Однако эта чуждость относительна. Долженствование снимает разобщенность, хотя б на время: «Ну а ушел – как не был, И я – как не была».

Служение моральным ценностям как высшему проявлению духовности присуще лирике М. Цветаевой не случайно. Высокая духовность воспитывалась в ней родителями. Ведь как пишет В. Шнейдер в своей книге «Быт и бытие Марины Цветаевой», в семье «раз и навсегда было определено, что важно лишь духовное», а

«материальное, внешнее считалось низким и недостойным» [8, с. 36]. Но это не значит, что М. Цветаева игнорировала или пренебрегала предметно-вещным окружением. Оно было для нее средоточием культурных смыслов и исторической памяти, таящимся в них моральным опытом переживания, выражением жизненного кредо в преемственности поколений: «Как я люблю имена и знамена, // Волосы и голоса, // Старые вина и старые троны – // Каждого встречного пса!»

Высокое моральное звучание получил небольшой цикл стихов под названием «Стол», в котором воплотились идеи о величии работы духа и ума, мучительности творческих исканий и усилий, о предназначении морального возвышения, который сопровождает глубинный смысл людского существования. У М. Цветаевой именно письменный стол олицетворяет силу, противостоящую суете, пустоте, порокам. Стол для нее стал не просто местом для работы, но и «соблазнам мирским порог, всем радостям поперек, всем низостям наотрез». Именно он, стол, был способен у «невечных благ» ее «отбивать – как маг – сомнамбулу». В интерпретации смыслового поля стола как явления христианской культуры М. Цветаева учитывает и тот факт, что в обыденной жизни именно стол был тем местом, на которое возлагали усопшего. В ее художественном представлении характер используемого для такого случая стола выступает одновременно и критерием в определении смысла существования когда-то живущего, «местом своего деяния, своего радения»: «Квиты: вами я объедена. // Мною – живописаны, // Вас положат – на обеденный, а меня – на письменный. // Оттого, что йотой счастлива, // Яств иных не ведала. // Оттого, что слишком часто вы, долго вы обедали».

Крайняя категоричность отличает и представления М. Цветаевой об истинной любви: «За тебя, который делом занят, – не умереть хочу, а умирать». При этом она понимает, что такая абсолютная преданность любимому предосудительна, ведь она может привести к пороку, противоречит принципам общественной морали. «Что если б знамя мне доверил полк, // И вдруг бы ты предстал перед глазами // С другим в руке – окаменев, как столб, // Моя рука бы выпустила знамя». И даже тогда, когда за такой проступок грозит заслуженная кара «славянской совести старинной» и за такое «мало позорного столба», тем не менее, здесь, по мнению самой Цветаевой, нет места вине и обвинению. Настоящая любовь, по мнению поэта и любящей женщины, заключается в безусловной преданности и непреложной верности. Любовь в интерпретации М. Цветаевой – абсолютная боль: «Я любовь узнаю по боли всего тела вдоль».

Часто стихи М. Цветаевой автобиографичны или отведены реальным лицам и тем, которые были рядом, и тем, которые шли мимо. Через реальную событийность, связанную с ними, предлагает она постичь дихотомию добра и зла как главного смыслообразующего измерения бытийствования. В стихах, посвященных главным людям в ее судьбе – дочери и сыну, обнаруживается духовный динамизм поэтессы, восхождение от сиюминутных радостей и горестей до обращения к высоким ценностям гражданского звучания. Так, если стихи к дочери пронизаны романтическим любованием, если они пронизаны красивой мечтательностью молодой матери («Ты будешь невинной и тонкой, // Прелестной и – всем чужой. // Стремительной амазонкой, // Пленительной госпожой»), то в стихах к сыну выражена моральная позиция матери, знающей жизнь без прикрас и в моральных притязаниях

берущей высокую ноту. В ее напутствиях главное – «не быть отбросом страны своей», не быть «нулем, из молодых – да вредным! // Ни медным королем, ни попросту спортсмедным лбом, ни слепцом путей, // Коптителем кают, // Ни парой челюстей, которые жуют, // В сем полагая цель...».

Обостренное чувство справедливости, сочувствие к «лишним, добавочным, не вписанным в окаем» приводят М. Цветаеву к обличению моральных пороков как «сброда кривизн», «людских косностей», «земных низостей». М. Цветаева расширяет возможности языка морали, живописуя зло в его конкретном воплощении. Благодаря гротеску, уничижительной иронии, точной метафоре, ярким и метким сравнительным оборотам и сопоставлениям, использованию выражений обыденной и простонародной речи, поэтессе удается вызвать у читателей отторжение, например, от богатых за «их корень, гнилой и шаткий, с колыбели растящий рану, // за растерянную повадку от кармана и вновь к карману», от редакторов «газетной нечисти» и ее потребителей – «чесателей корост, читателей газет». «Что для таких господ // – закат или рассвет? // Глотатели пустот, читатели газет!», – изобличает М. Цветаева.

Своим поэтическом творчеством М. Цветаева провозглашала альтруизм как главный жизненный постулат и, что важно, не только его поэтизировала, но и руководствовалась им сама. Так, М. Белкина в своей книге о М. Цветаевой приводит воспоминание М. Слонима, хорошо знавшего М. Цветаеву, о том, что она в своих отношениях и от близких требовала безраздельной отдачи, безоглядного растворения, включая жертву [2, с. 103].

Литература:

1. *Апресян Р. Г.* Одухотворенность / Р. Г. Апресян // Человек. – 1996. – № 4.
2. *Белкина М. И.* Скрещение судеб / М. И. Белкина. – М. : Книга, 1988.
3. *Гегель Г.* Эстетика / Г. Гегель. – М. : Искусство, 1971.
4. *Кант И.* Сочинения : в 6 т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1965.
5. *Маритен Ж.* Ответственность художника / Ж. Маритен // Самосознание европейской культуры XX века. – М. : Политиздат, 1991.
6. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гассет // Самосознание европейской культуры XX века. – М. : Политиздат, 1991.
7. *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М. : Прогресс, 1992.
8. *Шнейдер В.* Быт и бытие Марины Цветаевой / В. Шнейдер. – М. : Интерпринт, 1992.